

ВЫСОКОГОРНАЯ СИМФОНИЯ

Ульяна Фролова,
г. Калуга, МБОУ «СОШ № 14»

*Колокола, в ночи звонящие,
И мир, что пал под грузом звёзд.
Пасхальной радостью манящие,
Осколки неба словно мост.*

— В Нью-Йорке совсем другое небо, ты так не думаешь?

Стефан вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял совсем старый монах.

— Ты ведь вырос там? — старик опустил на каменную скамью рядом со Стефаном.

— Вырос, да. Назад вернусь, как только... разберусь с парой проблем, — Стефан замялся. Он и сам толком не знал, что привело его на Балканы — родину его родителей, которой он до этого никогда не видел.

Он уехал поспешно — необъяснимая тревога сдавливала его грудь, заставляя бежать дальше и дальше, скрываясь от самого себя — от той пустоты, что захватила его душу. Стефан искал здесь, в горном монастыре, что-то такое, что вернёт смысл в истерзанную жизнь, что отразится в глазах и прольётся наружу тёплым светом.

— Это место волшебное, — старик улыбался, перебирая чётки. — Достаточно приехать однажды, чтобы оно навсегда завладело твоим сердцем. Будешь стремиться снова и снова здесь оказаться, будешь видеть его каждый раз, когда закрываешь глаза. Не видеть даже — прикасаться душой.

Взгляд монаха был устремлён прямо, охватывал изумрудную долину,

в которой из-за ветвей виднелись кресты монастырских храмов, и ярко-синее, вечное море, ласкающееся к подножию гор. Но глаза старика казались стеклянными — он был слеп. Эту картинку рисовало его воображение да воскрешала память, но его это, кажется, совсем не печалило.

— Поэтому вы остались? — спросил Стефан неуверенно.

— Наверное. Когда я был мальчиком, таким, как ты сейчас, я мечтал поселиться где-нибудь в горах, жить отшельником и непрестанно молиться. И вот я здесь. Только пришёл я сюда, когда уже стар был, жизнь иначе сложилась. Господь ведь мудрее нас.

— А до этого что было?

— Всякое. Тяжёлый, больной был тот век, сам знаешь, — монах умолк. Лицо его на секунду скривилось, пронзённое судорогой воспоминания.

— Расскажите... Пожалуйста, — Стефан проникся к старику какой-то необъяснимой симпатией, словно было у них что-то неуволимо общее. Какая-то ниточка, протянувшаяся через годы и континенты, связывала их.

— Как же жизнь-то рассказать? Всегда самое главное и упустишь. Но ты внимательно слушай — что вслух не сказано, то в воздухе откликается.

За их спинами возвышался монастырь. Вырубленный в скале, вот уже четыре века хранил он вечные истины, маяком служил заблудшим душам. Монастырь смотрел вниз, на море, и множество свечей, зажжённых у его стен, клонилось пламенем к бескрайней глади. У Бога два особых земных воплощения

— согревающий свет свечей да неизмеримая глубина морей.

— Я родился в Белграде, в тогдашнем Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Но Родины своей я не знал. Да и была ли она у меня? Отняла её русская революция, а затем и эмиграция, — монах говорил медленно, боясь рассыпать смыслы, которые он вкладывал в эти простые слова. — Мои родители уехали в двадцатом. Помню мамины рассказы — огромные перегруженные пароходы увозят от милых берегов сотни людей. Ничего не слышать — только рыдания, сдавливающие грудь. Люди теснятся на палубе и смотрят на удаляющуюся Россию, стараясь запомнить её как можно лучше, зная, что им уже не встретиться с нею. У них было два пути: погибнуть на тонущем корабле или прожить долгие годы на чужбине, в вечной тоске по дому. Кажется, это было для них одно и то же.

Молодой послушник склонил голову. Его собственная эмиграция никогда не казалась ему трагедией, невозможность всецело принадлежать ни к одной культуре его не тревожила. Отчего же сейчас так ноет сердце?

— Меня другое потрясло, — продолжал старик. — Тогда, в день перед отъездом, в местном храме служили Пасхальную литургию. Великий, радостный день, а все вокруг плакали. “Христос воскрес из мертвых” — это надежда на то, что всё ещё наладится, потому что не может быть столько зла в мире, для которого Он воскрес.

— Но почему? Ведь они уезжали не в Сибирь и не в индийские тущобы, а в развитые страны: в Чехию, в Сербию, во Францию. У них всё должно было быть хорошо!

— Да, наверное. Но разве можно стать счастливым в месте, которое тебе не близко, понимая, что самая дорогая тебе земля истерзана войной? Что не только тебя, но даже и Бога твоего оттуда изгнали? Нет, мой мальчик, любимое место было им тюрьмой.

Багряный закат медленно опускался на горячие вершины. Море успокаивалось, готовясь ко сну, и мир замирал.

— Я про Бога в детстве мало знал. Мы и в храм ходили, и Евангелие читали, но всё это казалось лишь традицией. А когда мне лет

десять было, мой гимназический друг, у него родители атеисты были, спросил меня: “Где твой Бог?”. Я и задумался. Да, я Его прошу помочь, когда мне трудно, в церковь Его хожу. Но где Он? И Кто Он? Тогда я впервые Евангелие сердцем прочёл. Это было... как свет пролился и захватил меня. Я на мир иначе посмотрел — люди же все хорошие, всех Господь любит. Там-то Он и есть — в каждом из нас.

— А убийцы? А воры? А предатели? И в них, что ли? — этого Стефан понять не мог.

— В них более всего. Они сворачивают с Его путей, зло и тьму выбирают, а огарочек внутри остаётся, и Господь всё делает, чтобы вновь его засветить. У каждого внутри своя свеча есть.

Чайки кричали вдали, призывая наступающую ночь. Стефан поёжился — вечерняя прохлада взяла его за плечи.

— Война пришла внезапно. Мне — тринадцать. Я уже многое понимал тогда, но верить в то, что это будет огромная война не хотел, конечно. Это в сорок первом было. В Польше, Англии, Бельгии уже давно гремели бои. Но мне только тринадцать! У меня друзья, школа, первая любовь. Возраст такой, когда в собственных грёзах живешь, и внешний мир тебя мало волнует. А тут — война.

В мутных глазах старика блеснул огонёк — это выглянул из глубин его души тринадцатилетний мальчишка, чью жизнь пересекла разрушающая война.

— В апреле бомбили город. Бомбоубежищ не было, и мы прятались где придётся: в подвалах, глубоких канавах и ямах. Казалось, что небо разверзлось и обрушилось на нас десятками бомб. Так искренне, как тогда, я никогда не молился. Я думал, что Бог близко-близко, ведь он всегда с теми, кто страдает. В подвале, по время одного из обстрелов, я впервые почувствовал, что хочу посвятить Ему всю свою жизнь. Ты не понимаешь, наверное. Ведь если Бог допустил всё это, как я могу быть с Ним? Но бомбили нас люди, и Господь не пошёл против их воли. Разве это не доказывает Его величие?

Стефан не знал. Ему было стыдно за то, что его мелкие проблемы могли отвратить его от веры в то время, как его собеседника беды

лишь укрепляли. «Господь сотворил удивительный мир», — думал послушник, озирая окрестности. Никакие бомбы и мины не способны его разрушить. Заканчиваются войны, и вновь в лазурном небе поют птицы и виноград цветёт у склонов гор.

— Отец ушел на фронт в июле. Мы прощались с ним спешно, ночью, а рано утром его уже не было. Не помню, что он говорил мне тогда. Помню только тусклый свет свечи, уже догорающей, бросающей черные тени на отцовское лицо. Он дал мне тогда икону, Владимирскую Богоматерь. «Она тебя сохранит, Коля», — сказал. Я с ней не расстаюсь с тех пор, — монах достал маленькую иконку и протянул её Стефану. — Взгляни.

Икона была старая и выцветшая, но было в ней что-то невероятно сильное и чистое, и Стефан не мог перестать на неё смотреть.

— Вскоре он погиб, и эта икона — всё, что осталось мне на память, — старик вздохнул. — В сорок первом Югославию разделили, началось преследование сербов. Многие умерли тогда в Ясеноваце, концлагере. Их мучили и убивали во многом только из-за того, что они православные. Я не был там, но я знаю, что я в долгу у этих людей, я всегда это помню.

Страшное было время, но оно многое мне дало. Никогда после я не ощущал Бога так ясно в своем сердце. Опасно было верить открыто, поэтому каждый должен был строить храм в собственной душе. Ох, и трудное это дело! Маленький грех, злое слово, уныние — и из самого основания выпадал кирпичек, и храм падал. Начинать сначала.

Послушник вспоминал паломников, приезжающих сюда со всего света, их радостные лица и тёплые улыбки. Сколько людей отдало жизни за то, чтобы спустя семьдесят лет их внуки могли не бояться преследований и жить в светлом мире. Сколько?

— В конце войны мне уже семнадцать было. Я к тому моменту твёрдо решил поступить на богословский факультет, а потом принять постриг. Тяга к знаниям у меня огромная была, лучшим на курсе был. Университетские годы — радостное время, хоть и трудное. Мы с друзьями подолгу разговоры о жизни вели, размышляли, планы строили. Война же закончилась, дальше всё хорошо будет.

Историю Церкви преподавал у нас отец Павел, серб. Невероятное впечатление он на всех нас производил. Высокий и статный, он казался сошедшим со старого портрета. Повторял всё время: «Не ищите лёгких путей, не жаждите комфорта. Христа лишь тогда видно, когда ты сам пробираешься к Нему через муки и горести». Отец Павел нам всё первых христиан в пример приводил — вот, мол, и мы такими должны быть. Понимал он, как трудно это достигается, но хотел, чтобы перед нашими глазами великий идеал был, к которому путь — вечность. Я его своим главным учителем считаю.

Вечер уже догорел, и звезды вспыхнули на тёмном небе. Морская вода казалось чёрной бездной, поглотившей дневные краски.

— Постриг я принял в двадцать пять лет. Нарекли меня Василием, в честь Василия Великого. В тот момент, я почувствовал, что изменился — умер мальчик Коля со всеми его мирскими забавами, родился монах Василий, призванный помогать людям и вести их ко Христу. Но в монастыре я прожил недолго. Вскоре меня рукоположили и благословили служить в деревне недалеко от Лозницы.

— Лозница... Красиво, — Стефан улыбнулся.

— Да, «маленькая лоза». Там всё в округе зелёное-зелёное от виноградников. Я хоть и хотел в монастыре жить, а новую службу быстро полюбил. Храмик был маленький, полуразрушенный — отголосок войны, недавно там бродившей. Священника в нём не было года с тридцать пятого. Жизнь в стране тяжёлая, куда уж о церквях сельских думать. И мне доверили его восстанавливать. Денег не было — собирали по крупицам у прихожан. А какие это люди были! У самих — дом пустой, есть нечего, а храму помогают. «Мы уж в этой жизни всё повидали, настал час о вечности подумать», — говорили. Прожил я с ними тридцать долгих лет. Места те всем сердцем полюбил — бескрайние просторы, луга, виноградники, горы, встающие на горизонте. Закаты там были незабываемые. Солнце уходило за горы медленно, нехотя, замирая и затем загораясь свечой. Тяжело было. Власти преследовали Церковь и священников. Родители мои когда-то от коммунизма бежали — а мне при нём всё же жить довелось.

— А Россию вам никогда не хотелось увидеть?

— Хотелось, конечно. Но я, сын белых эмигрантов, монах поехать никак не мог. Лишь в восемьдесят восьмом, уже после возвращения в монастырь, впервые ступил я на родную землю. Это был год тысячелетия Крещения Руси, отношение властей к Церкви стало мягче, даже мероприятия юбилейные прошли. Впервые я увидел её — страну, по которой так тосковали мои родители. Я понял тогда, что всегда был с ней связан. Ниточка растягивалась, путалась, но никогда не рвалась. Я был русским и им остаюсь, хоть вся моя жизнь и прошла в сербских землях. Москва с резными башнями Новодевичьего и несокрушимыми стенами Донского — моя Родина, часть моего сердца. А ты что почувствовал здесь?

— Не понял еще, — Стефан замялся. — Что-то во мне изменилось — это точно.

Он думал о своей жизни в Америке: о карьере, которая так удачно складывается, об огромном городе, в котором, действительно, совсем другое небо. Чего не хватало Стефану? Может, вот этих гор и луны, по-хозяйски укрывающей их тусклым светом?

— Я не остался тогда в России. Знал, что нужен здесь, на этой земле. Будто чувствовал, что не пришёл ещё конец её страданиям, — отец Василий обратил свой невидящий взор на Стефана. — В девяносто первом грянула новая война. Она оказалась страшнее той, что я видел ребёнком. Брат шёл на брата, страну разрывало на части. Вновь прекрасный мир, созданный Господом, был погран. Бомбы летели и летели, казалась, им не будет конца. Вновь гибли люди, разрушались храмы. Я тогда, наверное, главный вывод сделал. Жизнь — это симфония. Созвучие, стройность, понимаешь? Когда множество инструментов играет сообща, создавая прекрасную музыку. Если хоть один сбивается, мелодия рушится. Но каждый из нас в ответе за свою партию, и мы должны играть ее чисто, даже если весь оркестр фальшивит, потому что он может услышать нашу игру и подтянуться. И опять зазвучит чарующая музыка, — отец Василий умолк.

А внизу огромное море отражало свет сотен звезд, и туда, к берегу, вела каменная лестница, по которой каждый день поднимались к монастырю паломники. Мир играл симфонию верно. Соль-соль-соль-ми-фа. **НО**

СТАРИЦА

*Расписная косынка,
Свет в глазах не померк,
Не старушка тростинка,
А брала Кёнигсберг.*

*Говорит: «Знаешь, сколько
В рavelинах ребят,
И Серёжа, и Ольга,
И Егорыч лежат...»*

*После минного взрыва
Меня вынес майор»,
И пошла горделиво
На обедню в притвор.*

*Память годы полощет,
Превращая в дымок
В этой яростной мощи
Всей Руси оселок.*

Александр Орлов

